

УДК: 159.9.07

doi: 10.11621/vsp.2020.03.03

ДЕВИАНТНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ю. Ю. Александрова¹, Ж. В. Коробанова²,
Н. С. Пряжников^{*1,2}, Е. Ю. Пряжникова², О. С. Маркина³

¹ факультет психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

² Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия.

³ ФГУА «НМИЦ ЛРЦ» Минздрава России, Москва, Россия.

Для контактов*. E-mail: nsp-22@mail.ru

Актуальность. Актуальность проводимого анализа определяется низким уровнем внимания в обществе к профилактике девиантной экономической социализации детей и подростков в условиях высокой степени неопределенности социально-экономических перспектив российского общества, высоких рисков экономических катаклизмов.

Цель. Обосновать важность профилактики девиантной экономической идентичности на этапе становления «экономического этоса культуры» в старшем дошкольном возрасте и последующего «технологического этоса культуры» в младшем школьном и подростковом возрастах. Определить основные направления профилактики.

Метод. Теоретико-методологический анализ, сравнительный анализ, критический анализ как средства, используемые для уточнения понятия «девиантная экономическая идентичность» и определение ее места в контексте близких и смежных понятий (например, «экономическая социализация», «экономическая девиантность», «профессиональная идентичность» и др.).

Результаты. Уточняется понятие «девиантная экономическая идентичность», понимаемая как отождествление человека не только с данной экономической деятельностью, конкретными профессионалами (как примерами для подражания), но также — и с ценностями, и с мировоззренческими позициями, лежащими в основе такой деятельности. Отмечается «парадоксальность» девиантности, при которой возможно несоответствие норм конкретного общества и общекультурных норм, а также — несоответствие общепринятых представлений о девиантности и представлений на девиант-

ность конкретной личности или группы (на уровне семей, коллективов), что часто и провоцирует кризис идентичности.

Выводы. Обоснована важность психолого-педагогической работы с детьми и подростками по решению задач профилактики развития девиантной экономической идентичности, особенно в силу восприимчивости данного возраста к социально сомнительным вариантам экономических отношений и слабой пропаганды в обществе достойных образцов экономического поведения. Выделены психолого-педагогические условия возникновения, развития и профилактики девиантной экономической идентичности у детей и подростков, которые могут быть использованы в практике работы психолога, связанные не только с ориентацией на устоявшиеся ценности, но и с культурой (методом) самого поиска этих ценностей.

Ключевые слова: экономическое девиантное поведение, идентичность, старшие дошкольники, школьники, подростки.

Для цитирования: Александрова Ю.Ю., Коробанова Ж.В., Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю., Маркина О.С. Девиантная экономическая идентичность у детей и подростков: постановка проблемы // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2020. № 3. С. 50–68. doi: 10.11621/vsp.2020.03.03

Поступила в редакцию: 04.07.2020 / Принята к публикации: 20.08.2020

DEVIANT ECONOMIC IDENTITY IN CHILDHOOD AND ADOLESCENCE: PROBLEM STATEMENT

Yulya Yu. Alexandrova, Janna V. Korobanova,
Nikolaj S. Priazhnikov, Elena Yu. Priazhnikova, Olga S. Markina

¹ Faculty of psychology, Lomonosov Moscow state University, Moscow, Russia.

² Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia.

³ FGU “NMIC LRC” of the Ministry of health of Russia, Moscow, Russia.

Corresponding author*. E-mail: nsp-22@mail.ru

Relevance of current research is determined by insufficient focus on the prevention of deviant economic socialization in children and adolescents in the conditions of high uncertainty of socio-economic prospects for Russian society and high risks of economic shocks.

Objective. To justify the importance of prevention of deviant economic identity at the stage of formation of the “economic ethos of culture” in the senior preschool age and the subsequent “technological ethos of culture” in primary school age and adolescence and to determine the main directions of prevention.

Method. Theoretical and methodological analysis, comparative and critical analysis, as means of clarifying the concept of “deviant economic identity” and defining its place in the context of such close concepts as “economic socialization,” “economic deviance,” “professional identity” etc..

Results. The concept of “deviant economic identity” is clarified. It is understood as the association of a person not only with a given economic activity or specific professionals (as role models to follow), but also with values and ideological positions underlying such activities. The “paradoxicality” of deviance can be a discrepancy between the norms of a particular society and general cultural norms, as well as the discrepancy between the generally accepted ideas about deviance and ideas about the deviance by the particular individual or group (at the level of families, collectives), which often provokes an identity crisis.

Conclusions. Psychological and educational work with children and adolescents in order to prevent deviant economic identity is especially important because of the susceptibility of this age to socially dubious variants of economic relations and weak propaganda of worthy examples of economic behavior in the society. The article highlights the psychological and pedagogical conditions for the emergence, development and prevention of deviant economic identity in children and adolescents, which can be used in the psychological practice, associated not only with an orientation towards established values, but also with the culture (method) of the search for these values.

Keywords: economic deviant behavior, identity, senior preschoolers, school-children, adolescents.

For citation: Alexandrova Yu.Yu., Korobanova J.V., Priazhnikov N.S., Priazhnikova E.Yu., Markina O.S. (2020) Deviant economic identity in childhood and adolescence: problem statement. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Psychology Bulletin]*, 3, P. 50–68. doi: 10.11621/vsp.2020.03.03

Received: July 04, 2020 / Accepted: August 20, 2020

Актуальность и замысел исследования

Детский и подростковый периоды развития являются определяющими для становления и последующей социализации личности (Карабанова, 2005; Марцинковская, 2010; Эриксон, 1996). Особенно обостряются проблемы морального развития личности в переходные периоды, когда перестраивается система общественных ценностей и меняются форматы социально-экономических отношений. В такие периоды происходит не только конфликт старых и новых ценностей, но и конфликт между самими новыми, во многом еще не устоявшимися ценностями, когда морально дезориентированными оказываются не только идеологи и политики, но и простые люди, воспитывающие своих детей. О недостаточной разработанности проблемы выявления и профилактики девиантного экономического поведения и раннего приобщения детей и подростков к разного рода экономическим преступлениям свидетельствуют многие работы отечественных авторов (Башкатов, 2002; Сочивко, Полянин, 2009). Много вопросов возникает о развитии экономической и профессиональной идентичности в детском и подростковом возрастах, когда ряд авторов считают, что, применительно к данным возрастным группам, говорить об этом рано, а другая часть специалистов считает, что именно в этом возрасте закладываются основы и профессиональной, и экономической, и гражданской идентичности (Александрова и др., 2019; Климов, 1998; Лункина, 2019; Пряжников, Пряжникова, 2012; Kohlberg, 1974 и др.). При этом мы можем опираться на интересные исследования «экономического сознания», с формированием которого ряд авторов связывают развитие представлений о собственности, о богатстве и с осознанием своего места в системе социальных и экономических отношений, связанных с их распределением и владением (Журавлев, Журавлева, 1998; Хащенко, 2004).

Исходя из этого, проблема нашего исследования определяется противоречием, когда, с одной стороны, требуется осмыслить новые тенденции социально-экономического развития российского общества, чтобы помочь человеку найти в нем свое место, но, с другой стороны, на уровне теории и практики, пока еще не найдены эффективные подходы, позволяющие противостоять дезориентирующему влиянию обществу (и его различных социальных институтов), еще не определившему достойный вектор своего развития. Главный акцент делается на осмыслении предшествующего и настоящего опыта, на основе которого следует разрабатывать новые подходы. Таким

образом, проблема нашего исследования носит теоретико-методологический характер так как предполагает осмысление прежнего опыта (как позитивного, так и негативного) и поиск новых подходов в данном направлении.

Объектом исследования является экономическая социализация детей и подростков. Предметом исследования выступают социально-психологические условия, осложняющие полноценное формирование активных граждан на разных этапах личностного развития, в частности, на этапе детства (старшего дошкольного, младшего школьного) и подростничества. Соответственно, целью исследования является анализ существующих подходов в плане социально-психологического обеспечения развития профессиональной и экономической идентичности, и разработка оснований для новых подходов в диагностике, коррекции экономической социализации личности, в основе которых — уточнение понятий «экономическое девиантное поведение», «экономическое девиантное сознание» и «экономическая девиантная идентичность».

Это позволяет нам сформулировать следующие задачи данного теоретико-методологического исследования: 1) обосновать необходимость специального изучения и коррекции (в плане профилактики) девиантной экономической идентичности, применительно к особенностям детского и подросткового возрастов; 2) уточнить понятие «девиантная экономическая идентичность» в соотношении с понятиями «девиантное экономическое поведение и сознание», а также определить ее специфику, применительно к детскому и подростковому возрасту.

Актуальные вопросы формирования девиантной идентичности у детей и подростков

В дошкольном возрасте ведущей деятельностью является игровая деятельность. Д.Б. Эльконин, вслед за Г.В. Плехановым, отмечал, что детская сюжетно-ролевая игра — это «дитя труда», позволяющая ребенку лучше понять мир взрослых, для которых уже сам труд является ведущей деятельностью (Эльконин, 1979). Выделяя особенности развития будущего субъекта труда у дошкольников, Е.А. Климов считал, что дети еще не могут освоить профессии, но они активно осваивают «смыслы профессий», и смыслы эти для ребенка должны быть общественно-полезными. При этом ребенок эмоционально и личностно идентифицируется с положительными профессионалами, что позволяет говорить о начальных этапах фор-

мирования профессиональной идентичности как важной основы для развития как будущего субъекта труда, так и полноценного гражданина (Климов, 1998). Фактически, уже детские сказки, играющие важную роль в развитии ребенка, через модель поведения главного героя могут предлагать в качестве примера для подражания человека труда, которому нередко противостоит негативный герой — либо лентяй, либо богач, получивший свои богатства нечестным трудом. Заметим, что детские сказки также предполагают высокую степень идентификации ребенка именно с позитивным героем (Матвеева и др., 2019; Обухова, 1996, с. 253–257).

Рассуждая о становлении идентичности в детские годы, Э. Эриксон отмечает, что это — время формирования через игру «экономического этоса культуры», когда ребенок осваивает основы деловых взаимоотношений (особенно в групповых играх, или играх с правилами), и главное — взаимную ответственность между игроками, которая в свою очередь моделирует и взрослые экономические и производственные отношения, основанные на выполнении своих обязательств. Но уже в младших классах и подростковом возрасте начинает формироваться и «технологический этос», предполагающий освоение навыков не только учебной деятельности, но и первичных трудовых навыков (Эриксон, 1996). Как отмечают разные авторы, изучающие развитие субъекта труда и субъекта профессионального самоопределения в детском и подростковом возрасте (Климов, 1998; Коньшина и др., 2018; Чистякова, Родичев, 2014; Super, 1980), в ходе стихийных или специально организованных «трудовых проб» формируются как начальные профессиональные навыки (которые развиваются в последующем школьном и профессиональном обучении), так и само отношение к разным видам труда. И уже на этой основе развивается и профессиональная идентичность. Ее особенность в том, что она не всегда может соотноситься с конкретной профессией, которая пока еще не выбрана, но развивающийся ребенок, и еще в большей степени подросток, во-первых, все чаще пытается соотнести конкретные трудовые действия с теми или иными профессиями, и во-вторых, происходит идентификация себя с этими действиями, особенно если ребенок выполняет их успешно, может ими гордиться или они ему просто очень нравятся (Александрова и др., 2019; Marcia, 1996; Slay H. S., Smith D. A., 2011).

Правда, есть разные взгляды на формирование такой идентичности. Например, Е.А. Климов считал, что увлечение внешней, частной стороной профессии или увлечение любимым предметом, близким

к определенным профессиям, часто приводит к ошибкам в профессиональном самоопределении (Климов, 1990, с. 131–132). Позволим себе частично не согласиться с уважаемым Е.А. Климовым, так как в детском и подростковом возрастах еще рано говорить о полном понимании всех особенностей профессии. Приобщение к профессии происходит постепенно, даже по элементам данного труда, или же по элементам различных экономических отношений, сопровождающих данный труд. Кроме того, какой-то элемент может оказаться наиболее привлекательным для самоопределяющегося школьника, и вполне возможно, что именно это может стать основой для развития первичной профессиональной или даже экономической идентичности.

Остается вопрос: насколько такая начальная профессиональная идентичность согласуется с развитием экономической идентичности. Понятно, что в полной мере ребенку сложно понять особенности экономической деятельности, что затрудняется в переходные культурно-экономические периоды, когда могут меняться и экономические модели, и экономическая мораль данного общества, и организационные культуры конкретных предприятий, также основанные на системе ценностей. Но ребенок может усвоить определенные основополагающие (базовые) принципы взаимодействия разных участников экономических взаимоотношений (бизнесменов, производителей, посредников, продавцов, покупателей). Например: «любая работа должна справедливо вознаграждаться (оплачиваться)», «лентяи не должны жить богато, т.к. не заслужили этого», «труд должен быть полезен людям и всему обществу» и т.п. Если общественно-полезный труд культивируется в обществе, то, скорее всего, многие дети сами захотят стать полноценными тружениками и будут идентифицировать себя не только с соответствующими профессиями и работниками (которыми можно гордиться), но и с определенными ценностями или людьми, являющимися носителями полноценных трудовых ценностей.

Правда, и здесь можно немного поспорить с Е.А. Климовым, считавшим, что перенос отношения с конкретного профессионала или с любимого учителя-предметника на какую-то профессию также приводит к ошибкам в выборе профессии (Климов, 1990, с. 131–132). На наш взгляд, в детском и подростковом возрастах роль позитивных, привлекательных примеров в приобщении профессии и развитию соответствующей профессиональной идентичности может быть даже более важной как первичной профорientации или первичной идентификацией с данной деятельностью. Ориентация на полную

психологическую структуру труда, включая и сомнительные элементы (необходимость в той или иной мере унижаться, смиряться с несправедливостью, недостаточной реальной креативностью работы и т.п.), ребенка могут просто напугать и у него еще должна сформироваться более мудрая и даже компромиссная позиция для осознания данной трудовой деятельности во всей ее противоречивой целостности. Мы предполагаем, что готовность к таким компромиссам, что важно для сохранения становящейся профессиональной и экономической идентичности, может формироваться начиная с подросткового возраста. Правда, необходимо эмпирическое подтверждение данной идеи, и мы можем предположить, что в разных культурах результаты также могут отличаться, в зависимости от традиций трудового воспитания молодежи.

Если же в социально-экономических системах важную роль играют и «паразитические» экономические группы, в лице мошенников, вымогателей, коррупционеров, воров и таких же их конкурентов, а главное — все эти социально-сомнительные экономические группы тоже культивируются на уровне общественного сознания (через средства массовой информации — СМИ, через примеры «успешных» людей и т.п.), то дети и подростки, при отсутствии профилактической или коррекционной работы, могут идентифицировать себя с такими «героями» страны в определенный период ее ценностного поиска и заблуждений. Проявляться это может в следующем: обсуждение «людей успеха», которые «умеют жить»; презрительное отношение к жертвам различных мошенников, и наоборот, восторги в отношении тех, кто обманывает «лохов», которые, с точки зрения такой псевдо-морали, «сами во всем виноваты» и т.п. К сожалению, дети и подростки часто слышат от взрослых, что не надо быть «лохом», а надо быть теми, кто «делает лохов», наживается на их доверчивости и т.п. Получается, что если «идеологическое» обоснование девиантного экономического поведения в обществе выражено, то детям и подросткам трудно не идентифицироваться с теми, кто хитрее, «предприимчивее» и в чем-то даже «коварнее» многих порядочных людей, которые не умеют себя защитить от экономических «паразитов».

Заметим, что Э. Эриксон подчеркивал, что главная проблема многих подростков — это поиск аристократов (лучших, выдающихся людей, с которых стоит брать пример) и идеологии (обосновывающей ту или иную мировоззренческую позицию и соответствующие поступки) (Эриксон, 2000, с. 251). Негативное влияние идеологии, пропагандирующей экономическую девиантность, усиливается,

если дети и подростки не знакомы с другими моральными обоснованиями или с опровержениями такой девиантности, а также — с моральными системами, лежащими в основе иных экономических взаимоотношений. Большие риски возникают, когда сам ребенок чувствует, что у него и его семьи мало перспектив для достойной жизни в данной социально-экономической системе. Нечто подобное отмечает и Э. Эриксон, когда пишет о «черной идентичности», которая формируется как негативная реакция ребенка, осознающего свой униженный социальный (или расовый) статус, которая может стать основой его искаженной идентичности и соответствующего мировоззрения (Эриксон, 2000, с. 229–234).

При этом дети могут чувствовать такие приоритеты через высказывания взрослых: членов своей семьи, знакомых, воспитателей, некоторые из которых могут иногда «откровенничать» перед детьми на уровне реплик, комментариев и т.п., сравнивая свое униженное финансовое положение с доходами других людей. Кто-то из детей может сочувственно относиться к таким признаниям родителей и воспитателей, но кто-то воспринимает это примерами «от противного», когда ребенок решает для себя, уже в своем карьерном будущем никогда не быть в таком униженном положении. Причем те, кто самоопределяется «от противного», скорее всего, будут всячески стремиться к тому, чтобы добиваться финансового благополучия любыми путями, даже выходя за рамки многих моральных ограничений, которые ранее авторитетные для ребенка взрослые у него же и формировали.

Важную роль в «обосновании» экономической девиантности играют различные объяснительные схемы, оправдывающие неблагоприятные профессиональные действия некоторых современных «людей успеха». В частности, и такие варианты самооправдания экономической девиантности: 1) «все воруют, а я чем хуже?»; 2) «если не буду воровать, что меня осудят (или «не поймут») близкие мне люди»; 3) «ворую, чтобы содержать свою семью (чтобы заработать на лечение любимой мамы) и т.п.»; 4) «если найти прорехи в законе и воспользоваться этим, то это и не воровство получается..»; 5) «ворую (или «даю взятки») вынужденно, иначе нельзя решить ни один серьезный вопрос» и т.п. (Пряжников, 2016, с. 185–187). Ситуация, когда в обществе коррупция, воровство, вымогательство, «разводилово» носят тотальный характер, порождает особые законы экономической деятельности, от которых не могут абстрагироваться многие люди. Например, Б.А. Райзберг в своей работе «Психологическая экономи-

ка» приводит примеры таких закономерностей которые действовали в период деятельности Ю.М. Лужкова: «не нарушишь — не преуспеешь», закон «невозможности» (как способ пресечь любую полезную для общества инициативу), «действия на авось» и т.п. (Райзберг, 2005, с. 99–100). К сожалению, подобные «закономерности» экономических отношений актуальны в системах с неустоявшимися моральными нормами и слабым (противоречивым) законодательством.

Таким образом, проблема профилактики девиантной экономической идентичности становится достаточно актуальной для детского и подросткового возраста. Акцент следует делать именно на упреждающих психолого-педагогических воздействиях, влияющих на становление сознания ребенка. А учитывая «убедительность» многих аргументов в пользу экономической девиантности, следует не игнорировать эти аргументы, а искать контраргументы в пользу честного и общественно-полезного труда, а также — предлагать ребенку примеры счастливых и уважаемых людей, связавших свою жизнь с таким трудом, т.е. людей, со сформированной просоциальной экономической идентичностью.

Проблема определения экономической девиантности

К сожалению, профилактика экономической девиантности, основанная на культивировании просоциальных ценностей, сталкивается с очень серьезной проблемой: идентификацией самих таких — «просоциальных» ценностей. По сути, это одна из конкретизаций еще более сложной, не только социальной и экономической, но и философской проблемы — определение и соотношение «добра» и «зла». В психологической, социологической и политологической литературе уже давно доминируют релятивистские подходы (основанные на признании ценности разных взглядов) к пониманию добра и зла, и близкой к этому пониманию проблеме справедливости. При этом, именно проблематика справедливости как в оценке трудоемкости труда, так и в его вознаграждении в последние десятилетия вызывает все больше споров и все больше сомнений, что позволяет даже отметить явный регресс в этом вопросе, т.е. переходе к более примитивному пониманию справедливости в трудовых взаимоотношениях. Все это приводит к еще большему обесцениванию многих профессий, ранее считающихся и творческими, и социально-значимыми, и соответственно, престижными, и наоборот, все более «возвышаются» в общественном сознании такие профессии и виды деятельности, которые позволяют зарабатывать большие деньги без явной пользы

для общества, и даже деньги, получаемые таким образом, все чаще называют не «заработанными», а «игровыми» (Зарубина, 2006; Пряжников, 2018).

Соответственно, это отражается и в общественном сознании, включая и сознание родителей, воспитателей, педагогов дошкольных и образовательных учреждений, которые «желают свои детям добра», и одновременно прямо или косвенно намекают им на то, что не следует ориентироваться на профессии, где их будут обманывать и унижать в плане вознаграждения. И наоборот, «подсказывают» своим детям и воспитанникам, что лучше ориентироваться на профессии где «меньше работаешь, но больше получаешь». Понятно, что все это влияет и на развивающуюся профессиональную идентичность детей. По отзывам многих педагогов-практиков, даже дошкольники все чаще предпочитают традиционным играм «в профессии» — игры в «досуговые развлечения» (например, знаменитая «кукла Барби» с целым миром окружающих ее красивых вещей и таких же праздных приятелей и т.п.), что ставит под сомнение известный тезис о том, что детская сюжетно-ролевая игра — это «дитя труда».

Сама ценность профессионального труда во многом определяется системой моральных ориентиров, которая доминирует в обществе на данном этапе его развития. Это предполагает разные взгляды на ценность разных видов труда, а также — на допустимость/или недопустимость разных моделей экономических отношений. Сдерживающим началом для народов и разных социальных групп, удерживающих их от конфликтов по поводу разного понимания справедливости, добра, зла и т.п. является «общественный договор», воплощенный в цивилизованных странах в виде законов, где сами законы это определенная система компромиссов, позволяющих мирно сосуществовать представителям разных систем ценностей (Ролз, 1995). Соответственно, важным элементом экономической идентичности является готовность к определенным компромиссам по отношению к иным взглядам на экономические отношения, включая и производство благ, и их распределение, и их фактическое владение. Правда, до тех пор, пока эти отношения не превращаются в средство откровенного обмана, наживы, эксплуатации и последующей деградации, т.е. утратой человеком своего достоинства, что относится как к экономическим девиантам (утратившим совесть и чувство меры), так и для их жертв, если они полностью смиряются со своим унижением.

Образ достойного личностного развития так или иначе присутствует в системах разных авторов, опирающихся на психологическую, педагогическую и философскую традицию (А. Адлер, Э.В. Ильенков, А.Н. Леонтьев, М. Мамардашвили, А. Маслоу, К. Роджерс, С.Я. Рубинштейн, В. Франкл, Э. Фромм, Д.И. Фельдштейн и др.). Даже если брать такие ориентиры для развития, как «самоактуализация» (по А. Маслоу), «самотрансценденция» (по В. Франклу) и т.п., то они являются для большинства людей достаточно сложными и для понимания, и для личностного принятия. В этой связи В.В. Петухов отмечал, что даже если человек познакомится с чертами самоактуализирующейся личности и постарается их примерить на себя, то часто из этого ничего не получается, если он только «внешне копирует» эти черты, но при этом побоится взять на себя ответственность, не сможет совершать поступок, отличающий его от тех, кто действует шаблонно, часто не понимая смысла происходящего вокруг (Петухов, 1996, с. 72–73). Э. Фромм вообще признавался, что «двадцатый век блистает отсутствием образов достойного человека в достойном обществе», но при этом образы людей, менее недостойных (лиц, с «отчужденным характером», например, «рыночных личностей») автор описывает более четко и даже предлагает их классификацию (Фромм, 1992, с. 63–111).

Получается, что развивающемуся в детские и подростковые годы человеку сложно найти достойные ориентиры для своего развития, и наоборот, образы, во многом близкие к девиантному экономическому поведению («рыночная личность», «эксплуататорская личность», «личность накапливающего типа» и даже «рецептивный тип», пассивно ожидающий блага от других — по Э. Фромму), все они могут служить примерами для подражания. А полноценная личность часто предстает довольно абстрактно. Даже у А.Г. Асмолова, когда он сравнивает «культуру полезности» (по сути, близкую к «рыночной личности» у Э. Фромма) и «культуру достоинства», то «полезность» вполне понятна (личность готова себя продать и остается только уточнить, за сколько?...). А для обозначения «культуры достоинства» А.Г. Асмолов даже прибегает к метафоре — «просто так!», когда сразу и не понятно, почему человек делает что-то хорошее для других, если для него это «не выгодно» (Асмолов, Нырова, 1994). У Дж. Ролза чувство собственного достоинства вообще рассматривается как «первичное благо» и понимается как право человека на выбор уникальных критериев успеха (на «собственную концепцию блага») и право на реализацию этой «концепции» (Ролз, 1995, с. 385–386).

Но не все способны, и не все захотят самостоятельно искать такие «уникальные» ориентиры своего развития. Кроме того, сложнее говорить об идентичности людям, которые ориентируются на какие-то конкретные ценности (критерии успеха и счастья). Правда, здесь идентичность может формироваться у детей и подростков тогда, когда они видят и осознают не только конкретные ценности (хотя и они очень важны для развития), но и примеры людей, находящихся в таком ценностно-смысловом поиске, особенно если эти ценности первоначально представлены как «равнозначные» и в них нужно как-то сориентироваться.

В профориентации уже давно обсуждается вопрос о том, что важнее — самоопределение «как результат» или самоопределение «как процесс», и часто авторы предпочтение отдают именно процессу (Пряжников, 2016, с. 143–146). На этой основе можно сделать вывод о том, что идентичность может относиться и к конкретной профессии, и к определенной морально-нравственной позиции (во многом определяющей и направленность экономического поведения), и к процессу самого поиска морально-нравственных ориентиров. Здесь важны примеры для подражания, т.е. люди, осуществляющие такой поиск, способные поделиться с ребенком или подростком опытом такого поиска.

Подобный поиск можно рассматривать как определенную «нравственную пробу» (аналогично «профессиональным пробам» в профориентации), как упражнение и подготовку к важным выборам в поиске ориентиров для своей экономической идентичности. Мы считаем, что такие упражнения и должны стать основой профилактики и коррекции девиантного экономического поведения и важнейшим условием для развития полноценной профессиональной и экономической идентичности. Более того, если выделить параметры эффективности такой поисковой активности (личностной включенности в обсуждаемые проблемы, стремление предлагать интересные и смелые решения, ориентированные на благо других людей и т.п.), то это может стать основой и для более адекватной диагностики морально зрелой или, наоборот, девиантной идентичности.

Даже в ситуации большой путаницы в разграничении просоциального и девиантного экономического поведения (и соответствующего экономического сознания, важной составляющей которого является и экономическая идентичность), нам представляется, что в качестве вариантов таких ориентирующих систем могут быть использованы уровни морального развития, выделенные Л. Кольбер-

гом (Kohlberg, 1974) и уровни личностного развития, выделенные Б.С. Братусем (Братусь, 1994). В частности, Л. Кольберг предлагает целую систему уровней, начиная от примитивных, «доконвенциональных» (основанных на страхе и подчинении), и завершая высшими уровнями, основанными на соблюдении закона и ориентации на собственную совесть (Kohlberg, 1974). Уровни развития личности, выделенные Б.С. Братусем начинаются с «эгоцентрического» и дальше развиваются через «группоцентрический», «социоцентрический» («просоциальный»), а завершаются наиболее развитым, «эсхатологическим» уровнем, ориентированным на высшие духовные ценности (Братусь, 1994, с. 34).

К сожалению, выделенные авторами уровни не позволяют сделать четкие выборы, и также нуждаются в комментариях, и в дополнительном осмыслении. И помочь в этом могли бы родители, воспитатели и психологи, но следует признать, что нередко и им самим нужна помощь в нравственном самоопределении, связанном с пониманием существующих и перспективных (желаемых) социально-экономических отношений. При этом различные типологии личностного развития и другие теоретические построения, моделирующие психологические «пространства» самоопределения могли бы помочь сориентироваться личности в сложных вопросах выбора мировоззренческой и гражданской позиции, которая могла бы стать основой и для развития социальной, и гражданской, и экономической идентичности. Желательно также при использовании таких моделей самоопределения в психолого-педагогической практике подобрать интересные для данных воспитанников примеры, предполагающие сложный моральный выбор.

Несмотря на то, что статья носит проблемный характер и это даже отражено в ее названии, когда само понимание «экономической идентичности» во многом противоречиво, мы все же позволим себе сформулировать рабочее определение «девиантной экономической идентичности». Мы считаем, что такая идентичность — это осознанный отказ от выполнения правовых и социальных норм общества (или сообщества), значимого для данного человека, в которых представлены правила поведения в различных социально-экономических отношениях, включая производство, распределение благ, владение ими, а также — многообразные обменные и торговые взаимоотношения, включая и деловые контакты с представителями иных представлений о нормах социально-экономических отношений. Мы не считаем данное определение исчерпывающим и рассматриваем его

как предложение к дискуссии. При этом, учитывая сложности формирования представлений о достойной экономической идентичности у детей и подростков, мы также рассчитываем, что наши возможные оппоненты, предлагая иные взгляды на девиантную экономическую идентичность, постараются не упустить и аспект развития такого формирования, когда сам процесс поиска достойного образа экономического сознания и экономического поведения окажется важнее, чем «окончательное» его нахождение. Этот момент представляется нам особо важным в контексте меняющегося российского общества и всей мировой экономики.

Выводы

Проведенный теоретико-методологический анализ вопроса профилактики формирования девиантной экономической идентичности детей и подростков позволяет сделать предварительные выводы, соотносимые с ранее поставленными задачами:

1. Применительно к детям старшего дошкольного возраста, младшим школьникам и подросткам можно говорить о начальных этапах формирования у них как профессиональной, так и экономической идентичности. Сложность рассматриваемых проблем морального экономического самоопределения должна постепенно возрастать от детских периодов развития к подростковому возрасту.
2. Экономическая идентичность раскрывается через выбор и принятие определенной моральной (мировоззренческой) позиции по отношению к данному труду, его вознаграждению и общественному признанию, а также — к распределению и владению различными благами (заслуженными и незаслуженными). Приоритетным здесь является процесс морального поиска, предполагающий постоянное переосмысление своих прежних выборов на новом уровне, по мере личностного и гражданского развития, дошкольника, младшего школьника и подростка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александрова Ю.Ю., Пряжников Н.С., Румянцева Л.С. Статусы идентичности в профессиональном самоопределении // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2019. № 3 (55). С. 64–77.

Асмолов А.Г., Нырова М.С. Нестандартное образование в изменяющемся мире: культурно-историческая перспектива. Новгород, 1993.

Башикатов П. Психология асоциально-криминальных групп подростков и молодежи. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002.

Братусь Б.С. Личность о. Александра Меня и современный кризис общества // Мир психологии и психология в мире. 1994. №1. С. 32–37.

Журавлев А.Л., Журавлева Н.А. Влияние субъективного экономического статуса на экономическое сознание личности // Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений. М.: ИП РАН, 1998. С. 221–245.

Зарубина Н.Н. Деньги в социальной коммуникации // Социологические исследования. 2006. № 6. С. 3–12.

Карабанова О.А. Возрастная психология. Конспект лекций. М.: Айрис-пресс, 2005.

Климов Е.А. Как выбирать профессию. М.: Просвещение, 1990.

Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998.

Коньшина Т.М., Пряжников Н.С., Садовникова Т.Ю. Личная профессиональная перспектива современных российских старших подростков: ценностно-смысловой аспект // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018. № 3. С. 37–59.

Лункина М.В. Основания самоуважения подростков и удовлетворенность базовых потребностей как источники психологического благополучия // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 1. С. 214–229.

Марцинковская Т.А. История возрастной психологии. М.: Академический проект, 2010.

Матвеева Л.В., Аникеева Т.Я., Мочалова Ю.В., Макалатия А.Г. Восприятие детьми дошкольного и младшего школьного возраста образов героев отечественных и зарубежных мультфильмов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. № 3. С. 105–123.

Обухова Л.Ф. Детская (возрастная) психология. М.: Российское педагогическое общество, 1996.

Петухов В.В. Природа и культура. М.: Тривола, 1996.

Пряжников Н.С. Мотивация и стимулирование трудовой деятельности. М.: Юрайт, 2016.

Пряжников Н.С. Проблема переосмысления понятия «профессия» в меняющихся социокультурных реалиях // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 1. С. 4–22. Электронный адрес статьи: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document319.pdf>.

Пряжников Н.С., Пряжникова Е.Ю. Психология труда. Академия, 6-е изд., М.: Академия, 2012.

Райзберг Б.А. Психологическая экономика. М.: ИНФРА-М, 2005.

Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1995.

Сочивко Д.В., Полянин Н.А. Молодежь России: образовательные системы, субкультуры, исправительные учреждения. М.: Изд-во МПСИ, 2009.

Фромм Э. Человек для себя. Мн.: Коллегиум, 1992.

Хашченко В. А. Экономическая идентичность личности: психологические детерминанты формирования // Психологический журнал. 2004. Т. 5. № 5. С. 32–49.

Чистякова С.Н., Родичев Н.Ф. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников. Методическое пособие для учителей 1–11 классов. М.: Академия, 2014.

Эльконин Д.Б. Психология игры. М.: Педагогика, 1978.

Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

Эриксон Э. Детство и общество. СПб.: ИТД «Летний сад», 2000.

Kohlberg, L. (1974) Education, Moral Development and Faith. *Journal of Moral Education*, 4 (1), 5–16.

Marcia, J.E. (1966) Development and validation of ego-identity status. *Journal of personality and social psychology*, 3 (5), 551–576.

Slay, H.S., Smith, D.A. (2011) Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities. *Human relations*, 64 (1), 85–107.

Super, D.E. (1980) A life-span, life-space approach to career development. *Journal of Vocational Behavior*, 16, 282–298.

REFERENCES

Aleksandrova Yu.Yu., Pryazhnikov N.S., Rumyantseva L.S. (2019) Statusy identichnosti v professional'nom samoopredelenii. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh*, 3 (55), 64–77. (in Russ.).

Asmolov A.G., Nyrova M.S. (1993) Nestandartnoe obrazovanie v izmenyayushchetsya mire: kul'turno-istoricheskaya perspektiva. Novgorod. (in Russ.).

Bashkatov P. (2002) Psikhologiya asotsial'no-kriminal'nykh grupp podrostkov i molodezhi. M.: Izd-vo MPSI; Voronezh: NPO "MODEK". (in Russ.).

Bratus' B.S. (1994) Lichnost' o. Aleksandra Menya i sovremennyi krizis obshchestva. *Mir psikhologii i psikhologiya v mire*, 1, 32–37. (in Russ.).

Zarubina N.N. (2006) Dengi v sotsial'noi kommunikatsii. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 6, 3–12. (in Russ.).

Karabanova O.A. (2005) Vozrastnaya psikhologiya. Konspekt lektsii. M.: Airispress. (in Russ.).

Klimov E.A. (1990) Kak vybirat' professiyu. M.: Prosveshchenie. (in Russ.).

Klimov E.A. (1998) Vvedenie v psikhologiyu truda. M.: Kul'tura i sport, YuNITI. (in Russ.).

Kon'shina T.M., Pryazhnikov N.S., Sadovnikova T.Yu. (2018) Lichnaya professional'naya perspektiva sovremennykh rossiiskikh starshikh podrostkov: tsennostno-smyslovoi aspekt. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 37–59. (in Russ.).

Lunkina M.V. (2019) Osnovaniya samouvazheniya podrostkov i udovletvorennost' bazovykh potrebnosti kak istochniki psikhologicheskogo blagopoluchiya. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1, 214–229. (in Russ.).

Martsinkovskaya T.A. (2010) Istoriya vozrastnoi psikhologii. M.: Akademicheskii proekt. (in Russ.).

Matveeva L.V., Anikeeva T.Ya., Mochalova Yu.V. Makalatiya A.G. (2019) Vospriyatie det'mi doskol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta obrazov geroev otechestvennykh i zarubezhnykh mul'tfil'mov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 3, 105–123. (in Russ.).

Obukhova L.F. (1996) Detskaya (vozrastnaya) psikhologiya. M.: Rossiiskoe pedagogicheskoe obshchestvo. (in Russ.).

Petukhov V.V. (1996) Priroda i kul'tura. M.: Trivola. (in Russ.).

Pryazhnikov N.S. (2016) Motivatsiya i stimulirovanie trudovoi deyatel'nosti. M.: Yurait. (in Russ.).

Pryazhnikov N.S. (2018) Problema pereosmysleniya ponyatiya "professiya" v menyayushchikhsya sotsiokul'turnykh realiyakh. Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. *Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda*, 3 (1), 4–22.

Pryazhnikov N.S., Pryazhnikova E.Yu. (2012) Psikhologiya truda. Akademiya, 6-e izd., M.: Akademiya. (in Russ.).

Raizberg B.A. (2005) Psikhologicheskaya ekonomika. M.: INFRA-M. (in Russ.).

Rolz Dzh. (1995) Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk: Izd-vo Novosibirskogo un-ta. (in Russ.).

Sochivko D.V., Polyani N.A. (2009) Molodezh' Rossii: obrazovatel'nye sistemy, subkul'tury, ispravitel'nye uchrezhdeniya. M.: Izd-vo MPSI. (in Russ.).

Fromm E. (1992) Chelovek dlya sebya. Mn.: Kollegium. (in Russ.).

Chistyakova S.N., Rodichev N.F. (2014) Pedagogicheskoe soprovozhdenie samoopredeleniya shkol'nikov. Metodicheskoe posobie dlya uchitelei 1–11 klassov. M.: Akademiya. (in Russ.).

El'konin D.B. (1978) Psikhologiya igry. M.: Pedagogika. (in Russ.).

Erikson E. (1996) Identichnost': yunost' i krizis. M.: Progress. (in Russ.).

Erikson E. (2000) Detstvo i obshchestvo. SPb.: ITD "Letnii sad". (in Russ.).

Kohlberg L. (1974) Education, Moral Development and Faith. *Journal of Moral Education*, 4 (1), 5–16.

Marcia J.E. (1966) Development and validation of ego-identity status. *Journal of personality and social psychology*, 3 (5), 551–576.

Slay H.S., Smith D.A. (2011) Professional identity construction: Using narrative to understand the negotiation of professional and stigmatized cultural identities. *Human relations*, 64 (1), 85–107.

Super D.E. (1980) A life-span, life-space approach to career development. *Journal of Vocational Behavior*, 16, 282–298.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Юлия Юрьевна — аспирантка факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. E-mail: nsp-22@mail.ru

Коробанова Жанна Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. E-mail: korobanova_j@mail.ru

Пряжников Николай Сергеевич — доктор педагогических наук, профессор факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова; профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. E-mail: nsp-22@mail.ru

Пряжникова Елена Юрьевна — доктор психологических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. E-mail: pryazhnikova@yandex.ru

Маркина Ольга Сергеевна — кандидат психологических наук, психолог ФГУА «НМИЦ ЛРЦ» Минздрава России, Москва, Россия. E-mail: olga.s.mark@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Yulia Yu. Aleksandrova — Postgraduate student of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. E-mail: nsp-22@mail.ru

Zhanna V. Korobanova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: korobanova_j@mail.ru

Nikolai S. Pryazhnikov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University; Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: nsp-22@mail.ru

Elena Yu. Pryazhnikova — Doctor of Psychology, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: pryazhnikova@yandex.ru

Olga S. Markina — Candidate of Psychological Sciences, psychologist of the Federal State Autonomous Institution “NMITs LRC” of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia. E-mail: olga.s.mark@gmail.com